Оли Дункан

ТОГДА И СЕЙЧАС

Оли Дункан

Тогда и сейчас

«Selfpub.ru»
2017

Дункан О.

Тогда и сейчас / О. Дункан — «Selfpub.ru», 2017

Встречая человека из прошлой жизни, испытываешь постоянно одно и то же чувство: как будто бы подходишь к старому дому, поднимаешься на высокий этаж и упираешься в большую новую дверь, дверь открывается, а оттуда выходит незнакомый человек...
Содержит нецензурную брань.

© Дункан О., 2017
© Selfpub.ru, 2017

Содержание

К читателю 5
Коммуналка 6
Евгения Драгилева 11
Я вспоминаю… Хотя плохо что помню 17
Конец ознакомительного фрагмента. 32

К читателю

Прожив тридцать пять лет в Лондоне, я постоянно возвращаюсь в воспоминаниях к своим родным, семье, подругам по институту, друзьям и соседям. Я вспоминаю родной город, название которого произносится удивительно красиво на всех языках мира: Москва, Моску, Москау, Москоу. Этот тёплый величественный город готов обогреть каждого из нас, впечатлить и, конечно же, многое рассказать.

Я не хочу занимать у Вас много времени, просто скажу: где бы человек ни был, куда бы ни уезжал, к кому бы ни уходил, с кем бы ни делился своими переживаниями, он всегда мысленно возвращается домой! Возвращается к своей душе, мыслям и родным. Только тогда он может получить зачёт от жизни. Возвращаюсь и я.

У каждого мужчины есть вина перед женщиной, вина есть и у каждого из нас, просто я хочу прокричать вслух про пережитое мною. ЗНАЧИТ, ПРИШЛО ВРЕМЯ!

Своё бельё на люди выставляя,
прикрою грязное душой.
Перепишу по многу раз больное, чтоб рассказать,
что происходит с ними и со мной.
Солёная вода пусть кости перемоет,
А я запью всё чистою водой.
Я книгу жалоб напишу, её закрою, чтоб рассказать,
что происходит с ними и со мной.

Коммуналка

С Лидкой Поляковой я познакомилась, играя в классики с девочками. Лидка подошла ко мне и сказала:

– А ты знаешь, что я до трёх лет спала на подоконнике?

– Врёшь, – ответила я, – на подоконниках не спят. Враки это.

– А вот и не враки, – ответила мне девочка. – Хочешь, покажу? Я живу вон в том доме с мамой и бабушкой. У нас там десятиметровая комната. И я, правда, спала на подоконнике, потому что они у нас большие и удобные, как столы. Меня укладывали на него, а окна закладывали подушками, чтобы мне не дуло и было удобно.

Мимо прошёл очень высокий мужчина с густой седой шевелюрой.

– Здравствуйте, дядя Исаак, – сказала Лидка.

– Здорово, – ответил угрюмый мужчина и почему-то ущипнул меня двумя пальцами за щёчку. Шёл он как раз в сторону дома моей новой знакомой.

– Это дядя Исаак, – пояснила Лидка, – наш сосед. Его всё время куда-то сажают, а потом выпускают. Его жена, тётя Фаина, у нас все сокровища держит. Я как-нибудь тебе их покажу.

От слова «сокровища» мне стало одновременно и жутко, и интересно.

– Врёшь, – прошептала я.

– Не вру, – возразила Лидка. – Об этом вся наша коммуналка знает. И даже тётя Марфа, хотя она дядю Исаака и вором называет. А соседка Зоя смеётся над дядьками, которые у него роются. А они-то, дураки, думают, что она в них влюбилась. Пойдём ко мне!

Мы побежали к Лидкиному дому. Бежали, запыхавшись, по этажам и, наконец, добежали до седьмого. Потные, уткнулись в большую обшарпанную дверь, рядом с которой было много звонков. Десятилетняя Лидка открыла своим ключом:

– Моя бабушка не видит и плохо слышит, мама работает, а я всё делаю сама. Наша дверь рядом с кухней. Вот за этим столом я учу уроки. Проходи и садись за стол с зелёной клеёнкой. И смотри не перепутай. Над нашим столом лампочка свисает на длинном шнуре.

Мы сели.

– А, девочки, – входя на кухню, сказала какая-то женщина в марлевой повязке на голове. Посередине был завязан из той же марли большой кокон. А сама женщина, полная и розовощёкая, почему-то показалась мне очень строгой.

– Тётя Марфа, – сказала Лидка, – мы здесь уроки будем делать, а мама ещё с работы не пришла. Она работает сегодня в две смены.

– Ну, тогда я вас сейчас покормлю, а еврейка вам чай нальёт.

Правда, получилось всё наоборот. На кухню через пятнадцать минут вышла красивая, очень полная и, как мне представилось, чрезвычайно добрая женщина. Она с улыбкой, протерев зелёную клеёнку, поставила нам на стол рогалики с изюмом и орехами, а потом ещё и сладости.

– Вкуснятина какая, – сказала Лидка, причмокивая от удовольствия.

Тётя Марфа налила нам чай, а вот дядя Исаак немного подвёл. Заходя на кухню, он быстро проговорил:

– Фаина, не разбазаривай сладкое, – и снова ущипнул меня за щёчку двумя пальцами.

Тётя Марфа удалилась, а Лидка мне объяснила, что ей все соседи завидуют, потому что она живёт в пятнадцатиметровой комнате, под лестницей, отдельно ото всех. И хотя в комнате нет окон, ей там очень удобно. Да и керосинка её стоит рядом, так что она может там готовить свои кулебяки.

Через час на кухне появился очень грустный мужчина в штапельной пижаме в полоску и тапочках. Все его волосы были прилизаны назад, кроме густой чёлки, спадающей через левый глаз к уху. Заваривая чай, он вдруг закричал:

– «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза».

И немного помолчав, заорал истошным голосом:

– Читайте, завидуйте, – его лицо при этом сильно побагровело, а он всё продолжал: – Завидуйте!

– Не бойся, – сказала Лидка, – это он Маяковского читает. Дядя Вася – артист Госконцерта и выезжал часто на гастроли. Всю страну объездил. Но знает только два стихотворения, больше не помнит, потому что ему в сталинских лагерях всю память отбили. Он сидел в Соликамске десять лет, оттуда и свою жену Лизу, опереточную артистку, привёз. Они там вместе сидели. Но потом дядя Вася её выгнал, потому что, – Лидка понизила голос, – она сделала пять абортов, и не от него.

От ужаса я даже не смогла переспросить. Слово «аборт» меня сразило. Оно прозвучало, как гром, как ужас, как кровавый кошмар, и, решив, что жена дяди Васи умерла, я спросила:

– Где её похоронили? В Москве или в Соликамске?

– Да что ты! – сказала Лидка. – Она ж потом замуж вышла за своего хахаля. И продолжает делать аборты. Моя мама точно знает.

Не успела она договорить, как в коридоре раздался жуткий крик.

– Опять тётя Клава мстит.

– Кому? За что? – спросила я Лидку.

– Да этому режиссёру, который к дяде Васе приходит. Они запираются на четыре часа в его комнате, и он с ним репетирует, чтоб читал хорошо своего Маяковского. А тётя Клава его калоши гвоздями прибивает к полу, потому что режиссёр нам грязь с улицы носит. А он, часто про это забывая, надевает калоши и прямо мордой об пол падает.

Мы сдружились с Лидкой. Мне нравилось к ней приходить. Во-первых, она была очень красивая девочка, во-вторых, хорошо училась и помогала делать мне уроки. А в-третьих, многое знала и рассказывала мне все таинства жизни по-учительски, а я, затаённая вниманием, слушала.

Однажды во дворе Лидка мне объявила, что дядю Исаака опять посадили и она может показать мне их сокровища. Мы побежали к ней.

– Бабушка всё равно ничего не видит и не слышит, – сказала Лидка и быстрым движением руки отодвинула матрас кровати. – Вот, смотри сама.

И я увидела маленькую палеховую коробочку, на которой были изображены гроза и женщина, несущая на руках ребёнка. Подружка открыла её, и я ахнула: там были золотые цепочки, два кулончика и золотые монетки.

– А ещё вон, смотри, три колечка есть с розовыми и голубыми камешками, – добавила Лидка. – Ну что? Вру я?

– Нет, не врёшь, – ответила я. – И дружить теперь буду с тобой всю жизнь.

Я смотрела на сокровища, как заворожённая, а моя подруга казалась мне волшебницей и самой таинственной и доброй девочкой в мире.

К Лидке я приходила часто. Сидели на кухне, пили чай. Тётя Фаина ставила на стол рогалики, а дядя Исаак выкрикивал из их комнаты: «Фаина, не разбазаривай сладкое». Из комнаты дяди Васи я часто слышала: «Завидуйте, завидуйте». А тётя Зоя, на голове которой постоянно были накручены мелкие бигуди (мне казалось, что бигуди тётя Зоя вообще никогда не снимает, что она в них ест, спит и даже ходит на работу), проходя мимо нас, всегда напевала одно и то же: «Широка страна моя родная».

– Потому что она работает в Доме культуре массовичкой, – объяснила мне Лидка. – Гони десять копеек, мы пойдём с тобой смотреть кинофильм «Председатель» с Нонной Мордюковой.

Свои десять копеек я, конечно, принесла.

Вскоре я познакомилась и с Лидкиной мамой. Отработав свою очередную ночную смену, молодая симпатичная женщина готовила борщ на кухне. Изможденной её нельзя было назвать, наоборот, она излучала энергию, была весела. Тогда мне показалось, что, готовя свой борщ, она всё время смеялась и особенно громко в тот момент, когда дядя Исаак от неё быстро отошёл.

– Ещё раз полезете ко мне под юбку, – сказала Лидкина мама, – и я всё расскажу вашей Фаиночке.

А я подумала: «Зачем рассказывать, когда и так все слышат, и тётя Фаина тоже».

На кухню, хихикая, вошла соседка Марфа.

– Ты куда это собралась-то? – спросила она Лидкину маму.

– В галантерею, – ответила молодая женщина. – Там трико дают.

– А зачем тебе трико-то? – ехидно спросила её тётя Марфа. – У тебя же вон семь пар: розовые, салатовые, голубые, даже серые – все вот здесь висят. Спроси Гаврилыча, он их все наперечёт знает.

– Ты себе лучше бы лифчик купила, Зин, – сказал проходивший мимо шестидесятилетний мужчина.

– Это наш Гаврилыч, – сказала Лидка. – Он очень хороший человек, настоящий коммунист, даже самого Сталина возил: то ли из Горок в Кремль, то ли из Кремля в Горки. И однажды товарищ Сталин предложил ему квартиру, а наш Гаврилыч ответил, что наперво надо дать нуждающимся. Товарищ Сталин так и поступил, а Гаврилыч с горя запил. И жену Клавдию по всей квартире… А наша тетя Клава держит оборону с половой тряпкой в руках. Да так, что пьяному Гаврилычу по мордам достается то слева, то справа.

Сегодня у Ганьки наверняка бы стояла квартира в Лондоне, а его Клавка в золотом «Картье» обедала бы с подругами на Пикадилли стрит. Но я, кажется, отвлеклась, так давайте же вернемся к тому, что было тогда.

Как потом выяснилось, в квартире пил не только Гаврилыч, но и дядя Лёша тоже. Пил запоями и избивал свою кроткую жену Марту.

– Мы тебя, ирода, пасодям, – ворчала, вытирая пол, тётя Клава. – Вот пусть только с работы «аблакаты» Вишневские вернутся – пасодям, пасодям.

Остальные соседи обращались к нему исключительно по имени-отчеству: Алексей Петрович, – делая это намеренно, чтобы угомонить его пьяный дебош. В остальных же редчайших случаях, когда сосед выходил на кухню трезвый, с красной, как у рака, и свежевыбритой физиономией, чисто по-свойски: Лёшка.

– Ничего они с ним не сделают, – объяснила мне шёпотом Лидка, – потому что дядя Лёша – единственный слесарь во всём доме. Представляешь, десять комнат, а уборная не работает.

Но дядя Лёша всё-таки свои честно заработанные пятнадцать суток получил. И отсидев, чистый и вежливый вернулся домой. А главное – больше не бил свою жену Марту. А та просто была на седьмом небе от счастья!

Однажды я зашла за Лидкой гулять. Дверь мне открыл высокий худощавый мужчина средних лет.

– Ты в чём пришла? – спросил он меня.

– В колготках, – ответила я.

В Москве тогда ничего не было, а кто-то из Америки привёз эластичные колготки, и моя мама, по случаю, мне их купила.

– А может, ты ещё и к «Метрополю» пойдёшь? И там папиросы будешь курить? И куда ж только твоя мать смотрит?! Может, ты ещё у «Метрополя» папиросы будешь курить и губы малиновым мазать?!

Я прошла, стесняясь своего вида, в квартиру.

– Это наш ответственный по квартире Сержантов. Он следит за квартирой и за жильцами, – пояснила мне Лидка.

А через некоторое время я опять зашла за подругой.

– Ты в чём пришла? – строго спросил ответственный по квартире.

– В брючках, – ответила я.

– И куда ж только твоя мать смотрит? Может, ты ещё и к «Метрополю» пойдёшь? И папиросы будешь курить?

Мне было десять лет.

Вот и ещё один год прошёл, да нет, он просто пролетел. Да ещё как интересно! И много было как хорошего, так и плохого, грубого, а порой даже беспощадного в нашем дворе, в наших квартирах, в наших семьях. Наше детство пришлось на шестидесятые годы – дикие, тёплые, тесные, необъятные, но, безусловно, родные, за исключением, конечно, тех непредвиденных событий, к которым мы, девочки, ещё не были готовы.

Как-то раз ко мне подошла подружка во дворе и тихим голосом прошептала, что дядя Исаак умер «от обыска».

– Ты за мной не заходи пока гулять, слышь? – добавила она.

Что же руководило этой маленькой девочкой? Факт ужаса перед смертью? Детская привязанность к хорошему человеку? Или та самая душа человека, которая уже серьёзно о себе заявила, готовясь к будущему общению с людьми?

Я поступила, как мне было сказано: не приходила. А весной я снова пришла к подружке в гости, и всё пошло своим чередом. Тётя Фаина собралась навсегда в Израиль.

– Туда тебе и дорога, – говорила ей соседка Марфа, вытирая большим платком крупные слёзы, которые обильно катились по её полному розовому лицу. Но перед отъездом соседки убрала её комнату, вымыла пол, до блеска окна, и от этого комната показалась ещё больше. А луч света, который пробивал насквозь окна, делал её такой светлой и яркой, что в ней просто невозможно было находиться.

Вещи уже были аккуратно сложены. Соседи несли в подарок варежки, вязаные носки, открывалки для бутылок, об этом позаботились, конечно, Гаврилыч и Алексей Петрович. Профессор Коган, который в общественной жизни квартиры вообще не участвовал, а просто тихо проходил на кухню и варил себе сосиски, как-то, встретив в коридоре тётю Фаину, молча сунул ей записку с чьим-то адресом, а потом шёпотом сказал:

– Фаина Марковна, пожалуйста, напишите мне, как там? Мне обязательно перешлют.

– Знаем, знаем, кто он, – ворчала, вытирая пол, Клавдия Васильевна. – Младенцев истязатель и убийца.

– Неужели он нас истязать будет? – спросила я подругу.

– Да нет, – ответила Лида, – не будет. Просто Семён Филиппыч – профессор и дурак. И мы про это все знаем.

Шли месяцы. Через некоторое время переехали адвокаты Вишневские. Соседи поговаривали, в какую-то кооперативную квартиру. За ними съехал и профессор, потому что ему дали квартиру за научные труды. Соседский сын, шестнадцатилетний Владик, умер от рака из-за того, что ему пьяный папаша сбрил родинку на голове. А его мама, красавица Марта Васильевна, буквально за одну ночь превратилась в старуху. Её огромный золотистый пучок стал похож на седую паклю. Эта добрая и кроткая женщина озлобилась, ни с кем не разговаривала, а потом и мужу своему Алексею объявила, что жить с ним больше не собирается

и навсегда уезжает к сестре в деревню. «Так мне Владик велел перед смертью», – твёрдым голосом заявила Марта.

Восьмиклассник Владик ровно учился, был тихим хорошим парнем, любил свою маму и закрывал её своим телом от побоев пьяного отца.

У Владика и хобби было: он вечно что-то строгал на лестничной клетке. Делал всё с душой, подолгу осматривая свою работу. Мне он дарил красивые деревянные игрушки. Да и подружка выносила с собой во двор замечательные вещицы – ложки, ножи, тарелки. Владик их раскрашивал. Оставалось только взять в руки и любоваться. А потом вот такое горе случилось. Зачем? Ну почему? Как же так?

И ещё одно событие произошло. Собака дворника Саида со странным именем Римский–Корсаков, которое, честно говоря, он не выговаривал и даже не пытался, ощенилась. У неё было пять щенят. Нам нравилось их брать в руки и гладить. И вот тебе раз! Моя закадычная подружка заявила мне, что они все переезжают в большую комнату на Арбат, и, посмотрев на меня сверху вниз, добавила, что жить больше здесь не будет, потому что Динамо – деревня. Через несколько дней Лида уехала. Наша детская дружба закончилась абсолютно безболезненно для меня, так как во дворе остались другие девочки и мальчики. Мы прыгали через верёвочку, играли в классики и ходили в гости друг к другу.

Теперь, спустя много лет, я пытаюсь восстановить в памяти возраст наших соседей. Исаак Соломонович – сорок пять лет или чуть больше. Его жена Фаина Марковна была лет на пять моложе своего мужа. Красивая, полногрудая, улыбающаяся еврейка со своими вечными рогаликами, штруделями и, конечно, тортом «Наполеон». Всё от тёти Фаины, как говорится.

Припоминается мне, что соседи неоднократно брали рецепт у Фаины Марковны, но безуспешно: такая вкуснятина ни у кого не получалась.

– Иди и жарь свою колбасу, – говорил Гаврилыч супруге. – Пусть уж это евреи готовят.

Этой паре было хорошо за шестьдесят.

Артист Василий Иванович – не старше сорока лет. Слесарь Алексей Петрович и Марта Васильевна были молодой парой. Массовичка Зоя – девушка лет двадцати шести – двадцати семи. А они мне все казались такими старыми, древними дяденьками и тётеньками.

Исаак Соломонович почему-то в любую погоду и время года ходил в своём длинном кожаном пальто, держа руки за спиной. Волосы его были очень густые, с проседью, рост высокий. Широкоплечий красивый мужчина угрюмого вида, который, проходя мимо, всегда щипал меня двумя пальцами за щёчку, а я по-детски обижалась. А на самом деле, видно, он ко мне испытывал симпатию.

В конце девяностых я подошла к дому, села в лифт и поднялась на седьмой этаж. Шикарная дверь, рядом с ней один звонок. По чистому совпадению в этот момент дверь открылась. Из квартиры вышел очень хорошо одетый молодой человек.

– Вы кого-то ищете? – вежливо спросил он.

Не растерявшись, я ответила, что, возможно, хочу купить квартиру в этом доме.

– Говорят, здесь большие подоконники, – добавила я.

– Да, – улыбаясь, подтвердил мужчина, – даже такие широкие, что на них и есть, и спать можно.

Поблагодарив, я села в лифт, нажала кнопку первого этажа и через три минуты вышла на улицу. Я уходила от дома 4/1, расположенного по адресу: город Москва, улица Верхняя Масловка.

Евгения Драгилева

Вам волю нашу не сломить!
Мы пили…
Пьем…
И будем пить!

Евгения училась со мной в одном институте. Только она – на пятом курсе филфака, а я – на первом курсе факультета иностранных языков. Девочкой Женя была очень энергичной, всё время что-то организовывала, устраивала вечеринки, участвовала в театральных пьесах института и даже была комсоргом курса. Подруг у неё было тьма-тьмущая, в их число вошла и я. Мне нравилось с ней дружить, слушать её рассказы, ну что говорить: мне она была очень по сердцу, а вот я, как мне казалось, ей – нет. Во-первых, потому, что у неё вообще ни на кого не было времени. Она занималась комсомольскими делами, выявляла девочек-курильщиц в туалетах, отчитывала их, вызывала на комсомольские собрания, а потом взяла и сама закурила! Но ей всё разрешалось, потому что в силу своего юмора и дара убеждения она могла повлиять на любого собеседника или даже на большую группу людей, да на кого угодно. Выглядела она не вульгарно, а, скорее, эксцентрично: густо накрашенные ресницы, выделявшие всю прелесть миндалевидных еврейских глаз. Огромный орлиный нос был ей к лицу и придавал неповторимый шарм. Она, смеясь, называла его птичьим. «Я же чистый попугай», – говорила, хихикая, Женька, зная наверняка, что всем нравится.

Меня она называла самой лучшей, самой верной и самой любимой. Обычно это происходило перед тем, как забыть обо мне на несколько месяцев. Я же сама к её выкрутасам привыкла, запаслась десятью другими такими же верными подружками и довольно-таки неплохо проводила с ними время.

Жека появлялась, как всегда, весёлая, энергичная, много рассказывала, много курила, предлагая мне выпить с ней портвейн, что я однажды и сделала. Опьянев, я села на пол и заплакала от страха, что меня стошнит прямо в студенческом кафе института. «Эх ты, цыплёнок! – журила меня Евгения. – С тобой и делать-то нечего, и вообще неинтересно: не пьёшь, не куришь, матом не ругаешься!» Я, правда, старалась изо всех сил, но курить мне не нравилось, а пить я и вовсе не могла. Вот на этой почве мы и расходились.

Честно говоря, у нас была ещё одна закадычная подруга – Танька Козлова: идейная ленинская стипендиатка, красотка, с шевелюрой кудрявых белокурых волос, перехваченных небольшой булавочкой со лба. Высокая полногрудая девочка, сибирячка, которая уже успела выйти замуж за Ферера – студента из Института имени Патрисы Лумумбы. А Женька, умирая от зависти, ехидно шипела, что её муж-эквадорец похож на червяка, потому что был маленьким, щупленьким, с тоненькими недоразвитыми ножками и огромным носом, начинающимся прямо ото лба.

Эта пара была образцовой. У них было уже двое детей, и они ждали третьего. Ферера души не чаял в своей семье. Они хорошо учились, были идейными правильными молодыми людьми. Мы с подругой частенько заходили к ним в гости в студенческое общежитие. На стенах комнаты висели портреты Луиса Корвалана и Че Гевары, которых мы в шутку называли «Корвалолом» и «Чего варишь», а Фиделя Кастро – «Честно кастрированным».

Однажды Татьяна сказала нам, что мужа пригласили в Швецию читать в университете лекции и они уезжают, скорее всего, навсегда. Это событие очень повлияло на Евгению. «Значит, и Козлиха уезжает в Швецию навсегда. Червяк танцевал, танцевал латинские танцы, а теперь смывается. Танька там тоже будет первой, потому что она везде первая, – завидовала

подруга, – а портреты латинских коммунистов они оставят на память общежитию. Ну всё, хватит, нечего ждать милости от природы: я иду с копьём на мамонта! А ты как хочешь».

Это была наша последняя встреча с Жекой, а потом она надолго пропала. Позвонила подруга мне только через несколько лет, объявив звонким голосом, что выходит замуж. Мы встретились по этому поводу.

– Представляешь, цыплёнок, моего жениха зовут Жан. Мало того, что он француз, так он ещё и в Париже живёт!

– Значит, француз из Парижа? – переспросила я.

– Да, – ответила подруга, – видишь ли, здесь-то женихов для меня не нашлось. Орлиный нос, тощая, ноги костлявые, глаза, правда, ничего, но и они не помогли. Мама родила второго ребёнка, когда мне было шестнадцать. Всё внимание – брату. Это я так веселюсь, а в душе пустота! Нет, – испугавшись, спохватилась подруга, – я своих родителей очень люблю, но одиночество я не выношу. Послушай, большому кораблю – большое плавание. Приеду в Париж – обязательно тебе напишу!

– Жень, а ты можешь мне оттуда не писать, а? – слабым голосом попросила я. – Меня в «Интурист» распределяют. Ведь твоё письмо мне всё испортит. Ну, пожалуйста!

– Эх, ты, подруга называется, – с горечью ответила Женька, – пили отсюда. Уж как-нибудь в другой раз.

Мы снова расстались на несколько лет. И честно говоря, я очень удивилась, когда вновь встретила Евгению на выставке (я там работала переводчицей от «Интуриста»). Такая же бесцеремонная, волевая, сильно накрашенная женщина, знакомая со многими иностранцами, говорила быстро и бегло, но почему-то по-итальянски. Мы расцеловались, расплакались, вспоминали прошлое, но так и не смогли наговориться.

Несколько моих вопросов ей не понравились, и отвечать на них она не собиралась. Она была очень своеобразная и сильная женщина с необыкновенным темпераментом, оказывавшая огромное влияние на каждого своего собеседника. И Женя это знала и, смеясь, вечно что-то рассказывала в крике, в оре, окончательно делая собеседника своим другом, партнёром или сгорающим от страсти любовником.

– Живу в Италии, – вдруг заявила она сама, – уже четыре года. Ты же помнишь, что я уехала в Париж. Город хороший, романтичный, но, увы, хлебнула я там горя в свои двадцать. Жан оказался ужасным подонком и свиньёй, бил меня, отнимал все деньги, которые я зарабатывала в антикварном магазине на бульваре Дебюсси.

Это название мне не было знакомо, но, надо сказать, сильно впечатлило:

– Бульвар Дебюсси, Жэка, ого!

– Да брось, цыплёнок, жизнь – штука сложная, досталось мне там. Париж и Жан, бульвар Дебюсси и скряга хозяин, который меня выгнал, не заплатив. Вот такие дела! Однажды моё терпение лопнуло: солнечным парижским утром в домашних тапочках я якобы вышла в химчистку, а сама рванула на вокзал. Села в поезд Париж–Милан и уже через пять часов была на станции Милано Централе. Два месяца жила у подруги, работала у неё уборщицей, смотрела за детьми. Между тем я окончила языковые курсы и бегло заговорила по-итальянски. Устроилась на фирму переводчицей и теперь разъезжаю с «итальяхами» по всему миру, работаю на выставках, зарабатываю неплохие деньги. По крайней мере, на жизнь хватает. И на кайф хватает. – Женька вдруг резко замолчала, а потом сказала: – Мне нужен гинеколог. Необходим срочный аборт.

– Кому? – спросила я.

– Мне, конечно, – ответила подруга, и по её лицу потекли серо-чёрные слёзы. – Я беременна от самого владельца фирмы, а он женат, у него пять дочек, жена страшная с бородавкой на носу, всегда ходит обиженная. Муж её боится «до опупения», при одном виде трясётся. Да и, честно говоря, он старый чёрт, шестьдесят два года деду. В любви мне клялся, а когда я

забеременела, испугался, козёл, взмолился, чтобы его уродине ничего не рассказала. А я-то, пожалуйста, только вот немного денег попросила. Помнишь, у Ильфа и Петрова: «обидеть женщину может каждый, а вот помочь…» Короче, помог на аборт! Ха-ха-ха. Давай выпьем, цыплёнок, у меня с собой классный коньячок.

Я отказалась, но гинеколога найти пообещала:

– Мама поможет. Она многих врачей знает, любого профиля.

На том и порешили.

Встретились мы через три дня.

– Всё в полном ажуре, Женька, – сказала я, – вот адрес.

– Ну ты совсем плохая? – нервно спросила подруга. – Не видишь, что я с температурой стою. Тридцать девять у меня. Два дня назад всё сделала. На следующий день вышла на работу. Поняла? Или ты думаешь, что меня на работе за красивые глаза будут держать? Нет, цыплёнок, Запад – вещь коварная, надо выживать. Здесь каждый сам за себя.

«Бедняга, – уходя, думала я, – она же пропадёт! Каково ей с такой температурой работать? Это же явное воспаление. Да, жизнь у неё не фонтан».

Четыре дня мы не встречались. Я боялась нарваться на её агрессию и ещё раз услышать про себя, что я туповатая. Когда моя подруга так со мной разговаривала, я терялась и действительно тупела. На пятый день в моей квартире раздался телефонный звонок. Взяла трубку и услышала слабый голос Евгении: «Цыплёнок, родная, милая моя подружка, помоги!»

Беру такси, мчусь в гостиницу, вбегаю в номер спасать подругу, а она сидит накрашенная и ржёт. Ну, конечно же, в неё влюбились. А как же иначе? В красавицу такую… «Да, – подтвердила мою догадку Женя, – на этот раз англичанин, на год моложе меня. Красивый, высокий, широкоплечий, окончил Кембридж. Смотрит с обожанием, с ума от любви сходит. Но Марк говорит только по-английски, а я этот язык не знаю. Завтра приходи, цыплёнок, в ресторан «Националь», переводить будешь. Посидим, выпьем. И не вздумай ему глазки строить! За своего Марка я убью».

Я согласилась, понимая, что про её плохое самочувствие спрашивать неуместно: может и обозвать. Я-то решила, что мою подругу в больницу везти придётся, там будут долго лечить, потом с работы выгонят. А у неё, видите ли, на горизонте англичанин по имени Марк Янг!

На следующий день ровно в восемь часов вечера я вошла в ресторан «Националь». За столом в изящном маленьком платьице с чёрным бантом под воротником сидела Евгения, томно курила сигарету в мундштуке и пыталась что-то объяснить Марку. Она была потрясающе хороша: короткая стрижка ёжиком, огромные зелёные глаза, которые ещё больше выделяли густо накрашенные ресницы, красиво подчёркнутый рот. Оригинальный хищный нос хорошо вписывался в общий ансамбль, придавая своей хозяйке ещё большую сексуальность. Ах, боже ты мой, чистая француженка с обложки журнала Elle. Я отметила её изысканный вкус, манеры, умение держать себя. Это была уже не та шумная девочка, которая бегала с комсомольским значком на кофточке по институту.

Апрель, звенит капель, слякоть, ещё холодно, грязный асфальт, только яркое весеннее солнце подаёт надежду на что-то лёгкое, а может быть, даже и прекрасно-загадочное. С Женей это уже случилось, и она была безмерно счастлива. И потекли ручьи… на тротуарах лужи. На окнах грязь! И ожиданье чистоты весны… Заплакали сосульки от продолженья дня… И первые мимозы от тебя. На столе стоял маленький букетик.

– Это я сама купила, – хихикнула подруга. – Будем воспитывать! Работы – непочатый край! Он же у меня совсем сырой!

– Влюблён-с, влюблён-с, – радостно сообщила Женя. Англичанин Марк Янг не сводил с неё глаз.

Я начала непринуждённый разговор:

– Do you live in London? (Вы живёте в Лондоне?)

– It's quite foggy their? (Там очень туманно?)

– Great London Fire (Пожар в Лондоне)

Также вспомнила историю.

– 1660 Black Death (чума).

– Ты давай по делу, крошка, – толкала меня в бок Женька, – узнай его семейное положение: есть ли дети, с кем живёт?

Я быстро задала Марку вопросы подруги и перевела ответ: разведён, дети есть, живёт под Лондоном. Женя от радости прищурила глаза:

– Ах, вот оно что… Готовый жених получается. Это – только начало работы. Будем работать! Ну, а пока пьём коньяк. Это дело надо обмыть – и вперёд на мамонта! Мой девиз – мы пили… Пьем… И будем пить!

Марк стеснительно ответил, что он не пьёт, но от стакана молока не отказался бы. И смущённо добавил, что молоко любит с детства. Жека тут же шутливо пояснила мне через стол: «Значит, в этот раз молокосос попался, только этого мне и не хватает!»

Сидели долго, выпивали, шутили. Спасибо, что подруга в этот раз не напилась. Я, честно говоря, побаивалась за неё. Вечер был изумительный: Евгения – звезда, англичанин влюблён. Удар! Удар! И ещё раз удар!

Проводила меня до такси сама Женя. И после жарких поцелуев по весенней слякоти убежала в своих летних золотых босоножках в гостиницу.

Звонка её я, как всегда, не ждала, но она мне позвонила через два дня.

– Живу у Марка в номере. Лечу англичашку от гриппа. Пьёт мой Маркуша молоко, как воду. А я тяну свой коньячок, конечно. Сильный парень. Дело своё знает. У нас так: секс, лечение, ну и молоко в интервалах. А потом капли в нос. По-моему, я ему уже всю слизистую сожгла. Работаем, работаем, работаем. Этот от меня никуда не уйдёт. Я не жду милости от природы. Действие, секс, любовь! Пока разговариваем языком мимики и жестов. Ну да ничего, он почти уж мой. А на молоко я не обращаю внимания, пусть пьёт. Главное – любовь!

Прошло ещё четыре года, и я буквально упёрлась в Евгению на очередной выставке.

– Говорила, что я подруга тебе? – быстро спросила меня Женя, забыв даже поздороваться. – Клялась в дружбе?

– Клялась, Жека, – ответила я ей, как под гипнозом, тоже забыв поздороваться.

– Послушай, есть один интересующийся, глаз с тебя не сводит. Это наш генеральный директор, партнёр фирмы.

– Ты живёшь с Марком в Англии? – спросила я.

– Ну да, конечно. Мы улетели вместе. Он же сам родом с юга, но я там жить отказалась, объяснив, что могу жить только в центре Лондона. Так что приехала-то я, моя девочка, к разбитому корыту. Марк Янг потерял работу, я по-английски не говорила. За квартиру платить нечем. А тут ещё на мою голову близкая подруга прилетела из Парижа – Ляля Миловская. Остановилась у нас. Надо бы обмыть. «Что пьём?» – спрашиваю я их. «Я не пью», – отвечает Ляля. «И я не пью, – вторит Марк, – ну если только молоко, обожаю молоко!» Ну, думаю, молокосос, я тебе покажу. Купила коньячок, посидели хорошо, поговорили. Красота. Вам волю нашу не сломить! Мы пили… Пьем… И будем пить! А утром я его в регистрационный офис повела, чтоб не сбежал. Мы уже четыре года женаты. Можешь спокойно называть меня миссис Янг. В Лондоне я окончила курсы английского языка и пошла работать официанткой, завязала нужные знакомства, нашла хорошую работу, езжу с выставками. Марка пристроила, пошли большие деньги. Вот так. Иди в кафе и жди своего счастья. С копьём на мамонта!

Я послушно пошла в кафе. Через десять минут туда пришёл мой будущий муж.

Евгения чисто говорила по-английски, шутила, оформляя контракты, отпускала команды англичанам. Умница, красавица, она работала с мужчиной, который её обожал. Марк Янг не отставал от жены: великолепно говорил по-русски, сыпал анекдотами, шутил, прикалывался, использовал различные русские пословицы и выражения – словом, был душой компании. Он даже выпивал с русскими заказчиками, любя называл Женю «зайкой», а она его «зайчиком». Счастливая и богатая пара, что и говорить. Огромный дом в центре Лондона, квартира, офис, но, к несчастью, Бог им детей пока не дал. «Забеременеть не могу, – жаловалась Жэка, – абортов было много, но я стараюсь, лечусь, работаю над этим. Всё у меня получится! С копьём на мамонта!»

И получилось! В этот самый приезд Евгения забеременела. «У меня будет девочка, похожая на Маркушу. Я так хочу», – сказала она. И действительно через восемь месяцев в лондонском госпитале Марлиборн родилась очаровательная девочка, которую назвали Сэйрой.

Через некоторое время Женька привезла дочку в Москву к бабушке. «Понимаешь, – говорила подруга смеясь, – моя мама сказала, что гулять с внучкой на Гоголевский бульвар не пойдёт. Стыдится, видишь ли, её имени. А я считаю, что Сэйра – хорошее библейское имя, которое нам всем принесёт счастье!» Сэйра росла чудной девочкой, умной и талантливой. Она была вылитой копией отца, который в ней души не чаял.

В одну из наших встреч я заметила, что настроение у Жени уже не такое радужное, как раньше, что она частенько вытирает слёзы платком, стараясь делать это незаметно. Когда скрывать их стало невозможно, Евгения мне призналась: «Ты же не знаешь, что Марк беспробудно пьёт. Пьёт-запивается! И сделать что-либо с ним уже невозможно. Много денег уходит на лечение. Наркологические клиники, реабилитация, санатории – ничего не помогает! Когда я его навещаю, он мне даёт слово, что бросит: он сильный, справится, и мы забудем этот кошмар. Так и говорит – кошмар. А потом опять за своё. Домой его забираю, плачет, руки трясутся, ничего не ест, только дай ему виски и всё. Знаешь, – рыдая сказала подруга, – вчера машину веду и плачу. Меня полицейский за нарушение останавливает. Я выхожу из машины, а он на меня внимательно смотрит и говорит: «Проезжайте, проезжайте» Так и сказал: «Go ahead. You will be fine». Вот и поехала с чёрной рожей от слёз, – и вдруг завопила: – Всё отдам – дом, квартиру, деньги в банке, чёрный нал, только бы перестал пить! Я люблю его! Люблю!»

Ровно через год в протестантской церкви Лондона отпевали Марка Джеймса Янга. Люди приехали отовсюду. Обычные протестантские похороны: растянувшиеся на километр кадиллаки, женщины в чёрных платьях, шляпки с вуалетками, цветы, тяжёлые вздохи, разговоры у церкви. Я на всякий случай приняла таблетку транквилизатора. Плакать на людях в Англии не принято. «Мы не плачем», – говорят англичане.

Я подошла сзади к вдове Янг, к самому близкому для меня человеку на этой чужой и одновременно родной земле. Евгения меня многому научила, многое дала, да и вспомнить нам, английским дамам, было что. И подруга меня почувствовала.

– Спился, – сказала, – спился! Пил виски, как молоко. Что же он наделал? Что же я наделала? – её почерневшее лицо было мокрым от слёз. – Спился, – хрипела она.

– У тебя столько друзей, Женя. Смотри, сколько народа на похоронах. Это же все ваши друзья. Ты не одна. А где Ляля Миловская, твоя подруга из Парижа?

– Спилась, – осевшим голосом ответила Женя, – спилась в Париже пять лет назад.

Год пролетел как один день, и мы опять встретились. Передо мной была уже не та сильная, энергичная и остроумная девочка, которую я когда-то знала, передо мной стояла умудрённая жизненным опытом женщина, которая, проделав такой большой интересный путь, как полководец, как альпинист, берущий самую большую высоту, упала сама и потеряла по дороге самое дорогое, самое дивное, что у неё было. «Я потеряла всё, – печально говорила

Евгения. – А деньги меня никогда не интересовали и не интересуют. Даже могилу мужа убираю только сама. Своими руками всё сделала, своими руками и убирать буду». С ней никто не спорил.

Как-то договорились прошвырнуться по Кингс-Роуд, посидеть за ланчем, повспоминать.

– Подожди меня на улице, – сказала подруга и через десять минут появилась с огромным пакетом, в котором звенели бутылки. – Вино. Кайф. Завтра у нашей Сэйры день рождения. Надо хорошо отметить.

И я дала сапогом по пакету. Звон разбившихся бутылок был слышен всем на улице. Ситуация аховая. Конфузно. К нам подошёл любезный мужчина в костюме:

– Чем могу быть полезен, милые леди? Что здесь происходит?

– Мы – подруги, поругались немного, – быстро ответила Евгения.

– Хорошего вам дня, – облегчённо сказал джентльмен.

– Ты иди отсюда, цыплёнок, – вяло проговорила Женя, – а я – в паб. И обещаю тебе: это в последний раз.

P.S.: Миссис Юджи Янг живёт на юге в графстве Корнуолл, это жемчужина Англии. Степенная воспитанная дама. Подруг у неё бесчисленное количество, все её обожают. Она занимается активной деятельностью в консервативной партии, воспитывает очаровательных внучек. И, конечно, вспоминает своего Марка. «Жизнь свою нам надо было начинать здесь, в Корнуолле, на родине мужа. И, может быть, наша с ним судьба сложилась бы по-другому», – постоянно повторяет Юджи.

А тебя люблю, умом все понимая,
В поклоне розу под лицо кладу,
И ухожу в смирении, вздыхая…
Того, кого любила,
Я, не дождавшись, жду…

Я вспоминаю… Хотя плохо что помню

Один замечательный режиссер сказал: «Выплесни всё на бумагу, чтобы сохранить душу!»

Мы жили в очень счастливое и интересное время. Во-первых, потому что не было войны, если, конечно, не считать ту мерзкую войну в Афганистане, которая унесла жизни многих наших ребят. Матери получали похоронки и своих детей в гробах (груз 200).

Но почему? За что? Как же так? Но нас это не касалось. Всё понаслышке, всё как-то далеко. Как будто бы ничего и не происходило. У матерей высыхали слёзы, мальчики-инвалиды сидели дома, потому что для них никто ничего не хотел делать. Спасибо за то, что остались живы.

Но зато мы жили беззаботно и весело. Это было время открытых сердец и задушевных разговоров, когда соседи заходили за солью и оставались на час-другой посидеть с тобой на кухне, когда мы ходили в гости друг к другу. Каждый мог излить душу, закрывая телефон подушкой или вставляя карандаш в телефонный диск, что бы «эти» не подслушивали! Это было время анонимок и пятого пункта. Кто-то мог накатать такое, что мечты о поездке в Болгарию умирали. Часто этим занимались и близкие родственники. Мы жили во время пионерских лагерей и командировок элиты за границу, когда об Америке говорили, чуть принижая голос. Париж – мечта. Лондон недоступен! В соцстраны – может быть, отстояв унизительную очередь в местном райкоме партии и представ перед красномордым грубияном. Ему бы после выходных опохмелиться, а тут пришли, видите ли. Отдохнуть за границей захотели! Ну и ладно. Значит, не вышло. Уходили опустошённые, никакие. Мы ж уходили душой, потому что у человека есть душа! И она – хрупкая и очень нежная, как осенний цветок, но в отличие от него может восстать и победить! «Я не люблю себя, когда я трушу. Обидно мне, когда невинных бьют. Я не люблю, когда мне лезут в душу, тем более когда в неё плюют» (В. Высоцкий).

Это было время тётенек в платочках, с баранками через плечо, бежавших по перронам к поездам. Время модных дам в норковых шубах. Летом – в шёлковых платьях и красивых босоножках. А мужчины носили дублёнки, ондатровые шапки и мохеровые шарфы, за исключением, конечно, мужичков, вечно стоявших в очередях за поллитровкой в своих облезлых кроликовых шапках и с авоськами в руках. В карманах – одолженная пятёрка до зарплаты. Смешно сказать, но я, как сейчас, помню полупьяных слесарей-сантехников, вечно вымогающих трояк на выпивон. Заходили в квартиру с важным видом, давая жильцам понять, что у него много дел. Это было время «жигулей» и мебели (по записи), когда к иномарке физически подойти было невозможно: её окружала толпа людей. Изучали, восхищались и даже не завидовали – до такой степени это было недоступно. Время «запорожцев» и садовых участков. Время красной и чёрной икры на столах по праздникам, сосисок с горошком в столовых и дефицитного финского сервелата, который номенклатурные работники получали в праздничных пайках. Там же были печень трески и конфеты «Белочка». Мы танцевали под песню Славы Добрынина «Прощай и ничего не обещай, в пустое небо посмотри». А многим и было пусто, но они не хотели в это верить. Играла песня «Ах, Одесса, жемчужина у моря, ах, Одесса, ты знала много горя». И правда, наши евреи, погоревав, нерешительно собирали чемоданчики и уезжали, понимая, что это навсегда! Мы-то боялись за их судьбы. Что их там ждёт? А наши люди состоялись и преуспели. Благодаря силе воли и энергии стали специалистами и крупными бизнесменами. Эх, где наша не пропадала! А наша и не пропала!

Мы жили во времена диссидентов, во времена Иосифа Бродского. Мы жили во времена Вишневской и Ростроповича, Высоцкого и Солженицына, Галича и Окуджавы, Вознесенского и Евтушенко. Именно эти люди смело могли сказать всю правду, прекрасно понимая, чем им это грозит. В рестораны невозможно было попасть, потому что они были переполнены, свободных номеров в гостиницах не было, такси поймать сложно. Академик Сахаров был сослан в Горький, но свою позицию он до последнего отстаивал. А мог бы сидеть в своих заслуженных апартаментах и вкусно жить. Во многих квартирах по ночам работали радиоприёмники. Антенны вытянуты перпендикулярно к потолку, чёрная ручка приёмника подкручивалась то вправо, то влево. И вот наконец-то: говорит «Голос Америки», «Голос Израиля» («Коль Израэль»), «Свободная Европа», Би-би-си, говорит Сева Новгородцев. Этот человек был чуть ли не членом многих семей. Его знали все! Что он теперь скажет? Все застывали, прислушиваясь. Сквозь шипение, свист и хрипы радиоволн (потому что глушили Севу) он вещал, что Леонид Ильич Брежнев – старый маразматик, что его фраза «Скажем «нет» сионистам» уже всем надоела, что он вот-вот кончится (а то мы не знали?). Мы слушали правду, которую и сами видели. Перешёптывались, переглядывались и расходились. Мы слушали про Гальку Брежневу, про цыгана-любовника в норковой шубе, про любовниц актрисулек этих старых болванов и удовлетворённо улыбались. Я лично была уверена, что ничего особенного не происходит. Всё чисто, как в первом классе. Ну что же старый козёл может с молоденькой девочкой сделать? Ему же явно за шестьдесят! Виагры и в помине не было. Сева, подкинь что-нибудь дельное. Люди слушали, верили, настраивали свои радиоприемники и ехидно улыбались. И в этом что-то было. «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно». От нас ушёл Марк Бернес, но пришла Пугачёва, её слушала вся страна. Рыжая девчонка завораживала, заводила и одухотворяла. «Миллион, миллион алых роз», «Старинные часы ещё идут». Пела про нас и про себя. Спасибо, подруга! Я не побоюсь этого слова, потому что она была нам, представителям женского пола, подружкой. Под её песни и поплачем, и потанцуем, и посмеёмся. Алла Борисовна, ты в моём сердце, и дай тебе Бог много лет жизни! Мы слушали бархатный голос Магомаева, любовались им и мечтали о таком мужчине. А его женой стала Тамара Синявская. Когда эта красивая женщина пела, мне казалось, что я вышла в океан и поплыла с миром. Почему? Не знаю. В нашей стране было много талантливых людей и спортсменов. Майя Плисецкая, Белла Руденко… Да их не перечислить! Спортсмены мирового уровня, их тренеры. Мы помним всех!

Я тогда жила в Москве в районе метро «Аэропорт» и частенько встречала там Ирину Роднину. То я вниз по лестнице, то она. Мы уже начали узнавать друг друга. Ирина всегда мне приветливо улыбалась. Это была хорошая девочка, несущая успех. Наверное, потому, что, встретив её, я всегда сдавала экзамен на хорошую оценку. Над нами жила семья легендарного авиаконструктора Ильюшина. Отличная семья, добрые люди. А главное, что его дочь Катя училась в одной школе с моим сыном. Это была английская спецшкола с определёнными требованиями. В четырнадцать лет надо вступать в ряды комсомола. Без него никуда! «Мишка, – говорит Катя, – приходи завтра в комитет комсомола. Я там председатель. Принимать тебя будем». Пришёл. «Это Миша Лагутин. Хорошо учится. Поведение отличное. Устав знает. А ну-ка быстро все проголосовали за!» – все, как по команде, подняли руки. Мой сын, у которого было далеко не всё хорошо, прибежал домой счастливый: «Меня приняли, приняли! Катя Ильюшина помогла!» В нашей семье было счастье! Папа прослезился и выпил на радостях. Мама улыбалась, я поздравляла, Миша сидел гордый. Вот таких бы нам людей: соседей, родственников и друзей! В октябрята меня приняли сразу,но хорошо помню, как я вступала в ряды комсомола. На собрании моему двоюродному брату дали заключительное слово.

– Недостойна!

– Почему? – недоумённо спрашивает классная руководительница (очень хорошая женщина) Людмила Михайловна.

– У неё тройки по математике и физике!

Недостойна! Но мне же поступать в ИнЯз? Как же так? За что? Спасибо Богу, что у меня была подруга по несчасью Лариска Алиханова. Когда ей задали вопрос, что она прочла за последнее время, Ларка бойко ответила: «Блеск и нищета куртизанок», Онорэ де Бальзак». Туда же! Вот на этой почве мы и подружились. Признаюсь вам: я злопамятная. Но, во-первых, я вспоминаю. А во-вторых, если у меня когда-нибудь будут внуки, то я надеюсь, что они вырастут хорошими людьми. Все знают выражение: «Тля дерево ест, ржавчина – железо, а подлость – душу». Я вспоминаю и прошу меня понять и простить.

В нашем доме в соседнем подъезде жил легендарный тренер по фигурному катанию Вячеслав Жук. Серьёзный мужчина, который хмуро и громко здоровался с соседями. В нашем доме жил и народный артист Столяров, который никого не замечал и ни с кем не здоровался. А нам, жильцам, было приятно его встречать: это же потрясающий артист! Не здоровается – ну и ладно: Закон свободной воли. Соседи начали замечать странную вещь: Жук минут эдак на 5 всегда останавливался с соседкой из первого подъезда. О чём они говорили, никто и представления не имел, но главное, что после этой встречи заслуженный тренер Советского Союза прощался с ней, не скрывая довольной улыбки. Что же, собственно говоря, происходит? В чём там дело? На таран пошла моя мама:

– Лидия Митрофанна! – обратилась она чисто по-соседски к ней. – Что это Станислав Алексеич с вами заигрывает? Роман? Вы же когда-то были красавицей.

Оказывается, соседушка преподавала русский язык и литературу в спортивной школе, которая находилась в нашем районе. Эта школа выпустила плеяду легендарных спортсменов, таких чемпионов мира, как Валерий Брумель, Елена Водорезова, Павел Буре, Ирина Роднина и др. Так вот, одна из его воспитанниц училась в её классе, и кроме двоек и троек с натяжкой учительница ничего ей не ставила. Жук, заметив женщину, по-военному направлялся к ней с одним и тем же предложением:

– Да научите Вы её красиво автографы писать и не переживайте! Уверяю, что она будет жить лучше Вас и всех в нашем доме!

Мы жили в прекрасное творческое время. С нами были Андрей Миронов, Юрий Никулин, ансамбль «Песняры», Полад Бюль-Бюль оглы, Расул Гамзатов. В районе «Аэропорт» я часто встречала Майю Булгакову, Татьяну Пельцер, Беллу Ахмадулину. Мой сын ходил с её дочерью в детский сад. Рядом на улице Усиевича жили братья Вайнеры. В том же доме жил известный драматург Михаил Виккерс. Его жена Женечка была душой любой компании, все любили заходить к ней: она и выслушает, и добрый совет даст. Мой хороший приятель Валерка Приёмыхов принимал всех подряд и расцеловывался со всеми тепло, по-доброму, сам не пил, а те, кто его знал, говорили: «Давайте зайдём к Валерке, он бутылочку откроет». Я лично любила встречать Ольгу Аросеву, она по-своему дарила мне тепло. Это было прекрасное время, и я вспоминаю. Тогда, в далёкие семидесятые, мне было страшно смешно слушать, как внук известного большевика Шепилова (эта семья жила в нашем подъезде на третьем этаже) рассказывает про деда: «Партия большевиков и примкнувший к ним Шепилов. Дед их кроет отборным матом». Значит, всё-таки надо было примкнуть, чтобы разобраться в этом дерьме.

Я вспоминаю… Мы жили во время тяжёлого быта, в результате которого женщины быстро старели, во время дефицита и длинных очередей. Мы жили в то время, когда женщины готовы были отдать чуть ли не четверть своей зарплаты за духи «Клима». Иногда подушиться ими не удавалось, потому что красивый маленький флакончик французских духов выскальзывал из дрожащих рук и разбивался. Какая досада! Был и криминал. Один воровал, другой караулил. Я имею в виду мелких воришек. Мой сосед, мальчик Витя из хорошей

семьи, ограбил квартиру иностранца и пошёл продавать картины на центральный рынок. Бедный парень, он же был уверен, что нашёл хороших покупателей, а они оказались ментами. Ровно через час сел на пять лет. Мать выплакала все глаза, отец, замдиректора магазина «Лейпциг», запил. А Витька чувствовал себя превосходно! Обожал тюремные крытики (домики), сажал морковку и был счастлив, как херувим на лужайке. Воровали и в крупных размерах, и в особо крупных. Но всё же не так, как сейчас. Я часто слышала: «Сел ни за что!» Дантист сел, потому что принимал людей на дому, ставил золотые коронки, да ещё, бывало, и без диплома. Знали бы мы, что за такое в Штатах дают сорок лет!

Я вспоминаю… И прошу меня понять. Мы жили в очень интересное время, гордились своими космонавтами, любили Родину! Пользовались и не пользовались взаимностью. Но мы также завидовали, клеветали, кривили душой и были во многом неправы, наделали много ошибок, которые надо исправлять. И я постараюсь. Начну с себя.

Я вспоминаю… Мне дороги украинцы, армяне, чеченцы, дагестанцы (моему сыну именно Заур подставил плечо помощи, и он ему уже как двадцать лет безмерно благодарен). Мне дороги казахи, цыгане, белорусы, молдаване. Мы же жили с ними, учились, ходили в походы, пели у костров. Давайте лучше присмотримся к себе и сделаем выводы.

За такое откровение прошу меня простить. Это в первый и последний раз. Но я же вспоминаю.

Теперь другое время! У России – Володя. Кому как, дело вкуса, а мне он по душе. Синдром старшего брата. Выслушает, поймёт, отругает и, если надо, заступится. (Вот только попробуй! Я всё брату расскажу!) Ну, кажется, всё. Я закрываю скобки и заканчиваю словами: «Володя, давай! Но не забывай закон – закон свободной воли. Не тирань, не насилуй, не перегибай палку! Это действующий закон Вселенной, и он вступает в таких случаях в силу и наказывает».

Всё позади, всё позади: ошибки юности и тонкости любви. И мой любимый преферанс. Москве прощальный реверанс. Всё позади, всё позади. Москва, Москва, я признаюсь тебе в любви.

У меня была очаровательная подруга Марина Лельгант. Её отец Ян Исаакович Лельгант был поэтом, писателем. Работал с Лядовой и Зельдиным. Многие опереточные либретто принадлежали именно ему. Ян Исаакович объездил весь Советский Союз со своей женой Любочкой, опереточной артисткой. Эта пара буквально завораживала как нашу интеллигенцию, так и рабочих на Урале, Камчатке и Алтае. Их везде ждали и радушно принимали. Я не хочу перечислять все республики и города, где они гастролировали, главное то, что рабочие на фабриках и заводах, врачи, инженеры и деятели искусства одинаково радовались и, хлопая, отбивали себе ладони на концертах этих светлых людей. А мне, девочке, нравилось бывать в их доме на улице Усиевича. Красивая и светлая квартира. Ян Исаакович, как обычно, лежит в своём кабинете, держится за сердце и обещает всем, что он скоро умрёт. (Кстати, умер он в девяносто шесть лет.) Любочка в чёрной атласной грации, пританцовывая, всегда и всем открывала дверь, но только своим! Любочка была бакинской еврейкой с коротко остриженными густыми светлыми волосами, безупречной фигурой и ногами танцовщицы. На ней всегда была чёрная атласная грация, без которой её никто не представлял. Бегая по квартире, пританцовывая, ещё молодая женщина всем объясняла, что песню «Ах, эта девушка меня с ума свела» пел специально для неё бакинский певец Рашид Бейбутов. Ян Исаакович, лёжа в своём кабинете, поправлял её слабым голосом умирающего: «Люба, тебе же тогда было бы сорок пять лет».

Мы были веселы и счастливы. После института распределили в «Интурист». Но примерно год я не работала: была кормящей матерью. Совсем девочка! А тут вдруг друзья родителей пригласили в Венгрию. Как хочется! Характеристику пришлось брать в домоуправлении. За столом семь склеротиков, им хорошо за восемьдесят.

– А на Селигере ты была? А на озере Байкал? А на Камчатке? Колыме?

– Я не была, – отвечаю. – В институте училась. Потом ребёночка родила. Дяденьки, так хочется поехать!

Характеристику не подписали. Вот и всё. Не захотим и не поможем! Выхожу грустная, без настроения. За что?! И вдруг слышу шаги. За мной кто-то бежит. Я испуганно обернулась.

– Оля, подожди!

– Что? Я что-то забыла?

Молодой человек представился:

– Меня зовут Миша, можно Мишка. Ты меня видела в домоуправлении, я чуть подальше сидел.

– А чего сидел? («Мишка, Мишка, где твоя улыбка?»)

– Да я так. Сижу просто. Слушай, Оль, давай я твою характеристику за всех этих склеротиков подпишу. Ты ж видишь, они невменяемые стариканы.

Я удивлённо спросила:

– За всех семерых?

– Их там было восемь, – ответил Мишка. – За восьмерых!

Я вынула характеристику из сумочки. Мишка за всех расписался. Дело сделано.

– Во вторник приходи в райком комсомола, по газете гонять будем. Держись!

Во вторник была в райкоме. Мне задали три вопроса по газете. Ура! Я еду в Будапешт!

Время там провела классно! Река Дунай, цветы, маленькие магазинчики, жаркая погода, кафешки, модные шмотки. Короче, заграница. Я накупила красивых вещей и подарков, а главное – почувствовала себя человеком. Приехала в Москву какой-то другой, стильной, свободной девочкой, понимая, что всё возможно, что есть хорошие ребята, что кто-то может помочь, что жизнь только начинается. Мишка, конечно, не зря там сидел, и, как выяснилось позже, парнем он был не простым. Но тогда я всего этого не понимала. Главное другое – слово «да»! И я до сих пор это помню.

Мишка, где ты? И если ты жив (а ты же жив!), может, работаешь у Путина, счастлив в браке, разъезжаешь по всему миру. Всё видишь сверху и делаешь добро! Я хочу верить, что это именно так, Миш. Нам бы вот таких побольше!

Зимой окончила курсы гидов-переводчиц. Работала в «Интуристе», гоняла на автобусах с туристами по всей Москве. Мне двадцать два года. Я не устаю от работы, от экскурсий, мне весело и чудесно! А в Венгрии была ещё три раза. Это выглядело примерно так. В отделе кадров было два комитетчика. Один добрый, другой, как пёс! Подавала характеристику злому, тот, ухмыляясь и вздыхая, передавал доброму. Добрый вздыхал тяжело, как будто бы бабушку похоронил, и подписывал. Правда, приговаривал: «Ты у меня смотри!»

Наш отдел располагался на пятом этаже гостиницы «Метрополь». (Значит, Сержантов из коммуналки оказался провидцем!) Это был отдел Англии и Америки. После работы мы все поднимались на восьмой этаж к Ивану Кузьмичу. Иван Кузьмич сидел в своём кабинете один-одинёшенек и, ковыряя спичкой в зубах, раскачивался на стуле. Нам, девчонкам-переводчицам, казалось, что он вот-вот грохнется затылком об пол и мы лишимся такого строгого и милого человека. Иван Кузьмич никогда не здоровался. Вместо этого мы слышали знакомые нам фразы: «Это дело надо прекратить!», «Вот-вот» или «Выгоню!» Мы к этому привыкли и не обращали внимания. А я, например, на фразу: «Ты у меня полетишь» – отвечала, улыбаясь: «Иван Кузьмич, вы мне льстите, значит, я – птица и у меня есть крылья!» Иван Кузьмич угрожающе смотрел на меня, улыбаясь глазами, и добавлял: «Выгоню!» Работы было много. Разъезжала с туристами на автобусах по Москве, проводила пешеходные экскурсии по городу с зонтиком в руках, возила английские и американские группы в Сочи и Ялту. Муж загулял, потому что меня никогда не было дома. Да и при мне тоже погуливал.

Поднимаюсь к Ивану Кузьмичу на восьмой этаж, вхожу.

– Это дело надо прекратить! Ты когда мохером перестанешь торговать?

– Я мохером не торгую, Иван Кузьмич, вы меня с Новиковой путаете.

Иван Кузьмич раскачивается на стуле со спичкой в зубах:

– Зачем пришла?

– Писать на группу, – отвечаю.

– Вот-вот, родственников искали? Живых? Мёртвых?

– А чем им могут помочь мёртвые родственники?

– С этими всё! – Иван Кузьмич долго думает. Потом надевает очки и говорит своё коронное: – Дааа… А живых?

– Живые им, наверное, не нужны.

Иван Кузьмич снимает очки:

– Это уж точно! Что предлагали?

– Предлагали только мужчины, от женщин никаких предложений пока не поступало, – отвечаю.

Иван Кузьмич нервничает:

– Что, что предлагали?

– А что может предложить мужчина женщине?

– Так тебе все предлагали?

– Все: старые, молодые, холостые и женатые!

– Ты у меня полетишь! Ну, так какие подарки получила, Лагутина? – я вынимаю из сумочки маленький флакончик французских духов и кладу на стол. – Это что за дрянь? Ты порочишь честь и достоинство советского человека, Лагутина! От такой большой группы мелочёвку принимаешь! А коньяк «Камю» они тебе случайно не подарили?

– Иван Кузьмич – отвечаю я, – завтра подарят.

Иван Кузьмич странно на меня смотрит:

– Как это завтра?

– Иван Кузьмич, – отвечаю я, – завтра скажу, что у меня день рождения, и всё будет.

– Так у тебя ж в мае, Лагутина.

– Так это ж вы знаете, что в мае, а враги не знают.

Коньяк «Камю» я купила сама на свои кровные. Вхожу в кабинет, ставлю на стол и смотрю на реакцию. Ну да, всё правильно. Иван Кузьмич, не вынимая спички изо рта, ставит пакет под стол и произносит:

– Это дело надо прекратить! Ты когда мохером перестанешь торговать?

Я работаю год, ношу бутылочки, слушаю, и мне весело.

Ну вот, меня снова вызывают на последний этаж гостиницы «Метрополь». Легко вхожу и, конечно, слышу:

– Это дело надо прекратить! – Иван Кузьмич медленно поднимается со стула со спичкой в зубах и подходит к карте мира. – Это что, Лагутина?

– Карта мира, – отвечаю я.

Тогда Иван Кузьмич берёт указку и плавным движением руки подносит её к материку Америка:

– Это что?

– Похоже на Америку, – отвечаю я.

– Вот-вот, завтра работаешь со спецгруппой американцев, после – ко мне!

Я взмолилась:

– Иван Кузьмич, у меня двухгодовалый ребёнок, домой надо через всю Москву ехать, так не хочется. Вы что, до утра не можете подождать?

– Выгоню, – раздаётся в ответ.

Приехала двадцать минут шестого.

– Ты что приехала, Лагутина? У меня рабочий день закончился.

– Приехала срочно доложить.

– Что? – Иван Кузьмич надевает очки, спичка во рту, лицо напряжённое.

– Родственников не искали по известной вам причине. Предлагал один (я еле удержалась), подарили французские духи.

– Оставь эту дрянь у себя, а коньяк «Камю» тебе случайно не подарили?

– Подарили, Иван Кузьмич, – отвечаю чуть слышно и сама ставлю пакет под стол.

– Постой, кто-то отлучался из группы?

Я задумалась:

– А, да, один несколько раз отлучался в туалет.

– Паркер, что ли? – Иван Кузьмич недоволен мной. – Не пиши, хлопот много.

Я снова в его кабинете и снова – здорово…

– Отлучался один, – говорю, – и если пояснее, вместо экскурсии на ВДНХ собрался в кукольный театр на дневное представление. Это был турист из Великобритании Джон Свейнсон. Так и сказал: «Иду на «Metenee».

Иван Кузьмич быстро снимает телефонную трубку. Слышу: «Петро, ну здравствуй тебе. Срочно ПРОБИТЬ ВЕСЬ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР, включая уборщиц, электриков, нууу, ты понимаешь… У нас тут один загулял. Как внутрь не заходил? А что ж он там делал? – удивляется Иван Кузьмич. – Под кукушкой стоял? Послушай, Петро, а где ж у нас кукольный театр? – секундная пауза. – Кто пошёл?»

Иван Кузьмич кладёт трубку и нервно говорит:

– Лагутина, ты свободна!

Это уже серьёзно. Сейчас понесётся: «Ты смотри у меня, вот только попробуй!»

– Уже попробовала, – огрызаюсь я на третьем этаже.

Я продолжаю носиться колбасой по Москве, мне нравится нравиться! Я свободна и счастлива. Вы, наверное, уже поняли, к чему клоню? Телефонный звонок.

– Оль, привет!

– Привет!

– Давай вечерок проведём вдвоём?

– Эдик, ты ли это? Какое счастье! – отвечаю звонким голосом. – Ты что, с Жанкой развёлся?

– Да нет, с чего ты это взяла?

– А чего звонишь? Ещё раз, и я всё расскажу твоей жене.

– Ну и б… же ты, – раздаётся в ответ. А потом мирные гудки.

Через пару месяцев звонок телефона:

– Оль, привет, это Эдик. Давай проведём вечерок?

– Давай! – отвечаю.

Пришла на свидание с Жанкой. Слышим:

– Ну и б… же вы.

Но мы отвлеклись от главной темы. Звонок в переводческую: Лагутина наверх! Сердце уходит в пятки. Это конец! Вхожу. Никакого тебе «это дело надо прекратить! Вот-вот». Мы молчим с Иваном Кузьмичом. Интересно, кто кого перемолчит? Ну, наконец-то:

– Я тебя уволю за связь со ШВЕЙЦАРЭМ!

Я уловила и отвечаю:

– Это швейцарец, и у нас не связь, а любовь! А вообще-то я нечаянно! – Иван Кузьмич задумался. – Вы же тоже когда-то были молодым и должны меня понять!

Слышу негромкий ответ:

– Это дело молодое. Я ж тоже когда-то в евреечку был влюблён в своей деревне, мне мамка не разрешила на ней жениться, теперь вот со своей мучаюсь, – чуть вздрогнув, Иван Кузьмич приходит в себя и говорит: – Ты у меня полетишь!

– Куда? – интересуюсь я. – До женитьбы ещё далеко!

У Кузьмича сдают нервы, видно, свою евреечку вспомнил.

– Вон отсюда и только ещё раз попробуй! – я тихо извинилась, пообещав, что буду терпеть изо всех сил, как только может терпеть человек, у которого понос. Вслед раздалось: – Ты у меня дождёшься!

Ага! Значит, всё хорошо. После работы, как обычно, я у Кузьмича в кабинете. Слышу мне знакомое:

– Ты опять с иностранцем сидела, Лагутина?

Я, извиняясь, отвечаю, что мы только кофе пили. Иван Кузьмич не верит:

– И что он с тобой делал там? – И добавляет своё коронное: – Как это всё называется? – А потом: – А коньяк «Камю» он тебе в кофе не подливал?

Буквально через пару недель Иван Кузьмич укоризненно качает головой.

– Ты как попала к греческим туристам? – спрашивает он меня. – Это что за безобразие такое?

Я ответила, что в греческой группе не хватало переводчиц. Иван Кузьмич разводит руками и говорит привычное: «Вот-вот».

– А как же они тебя понимали? – любопытствует он.

Я ответила, что многие не понимали, но зато мы песни пели, русские и греческие, да и экскурсия была только одна – в Кремль. Правда, один говорил, как истинный американец.

– Это Янис Паранахайтис, – повышает голос Кузьмич и снимает телефонную трубку. – Отдел Греции? Повышенное внимание к группе под номером… Что? Что-что? Улетели? – он вешает трубку, и я слышу горькое: – Улетел, как Оруцкий, сукин сын!

– А кто такой Оруцкий, Иван Кузьмич? – спрашиваю я.

– Оруцкий – польский лётчик, дезертир. Он в начале Второй мировой войны улетел на военном самолёте в Англию и не вернулся! В один конец! Понимаешь? – Иван Кузьмич смотрит мечтательно вдаль… – Что дарили?

Я выкладываю из сумки на стол маленький пакетик пастилы. Иван Кузьмич брезгливо смотрит на неё. Тогда я подвигаю ногой под столом пластиковый пакет из «Берёзки». Бутылки в нём мелодично звякнули.

– Это дело надо прекратить! Ты смотри у меня! – Резко зазвонил телефон. Иван Кузьмич орёт не своим голосом: – Что, что? Что я перепутал? Кто в «Пассаже» скандал устроил? Я вас спрашиваю, почему она у иностранцев платки скупала? Аааа, так она им платки продавала? Это меняет дело! – И мне на прощанье: – Иди, работай, Лагутина, и смотри у меня!

Работаем, работаем. Ещё год, я весёлая, жду чего-то красивого, необычного. Дождалась…

– Лагутина, на последний этаж!

Это уже команда. Лечу через пролёты. Что сейчас будет… Слышу:

– Ты опять с иностранцем сидела!

– Это ж русский, Александр Монташев, Иван Кузьмич, а я уже свободна.

Иван Кузьмич с ужасом на меня смотрит.

– Монташев – парижанин, родом из семьи Монташевых. Эти сволочи в революцию туда убежали. Тот ещё тип: распространяет запрещённую литературу! Что предлагал?

– Пока ничего, он уже в возрасте, ему трудно.

Слышу гнусное хихиканье:

– Я знаю. А запрещённую литературу? Признавайся! Я спрашиваю: какую? – Иван Кузьмич перечисляет: – Бунин, Ахматова, Цветаева, Набоков. Манда… Мандальштам… Он говорил, что с русским человеком дело иметь НЕЛЬЗЯ.

– Это говорил Бунин, Иван Кузьмич, – отвечаю я ему.

– А то, что Россия – страна воров и проституток? – при этом зыркнул на меня так, что я чуть со стула не упала. Не теряя достоинства, отвечаю:

– Это тоже говорил Бунин, – хотя надо бы проверить.

А вот с книгами в стране – беда! Я уже который месяц подряд своему сыночку Мише одну и ту же сказку читаю. И если так будет продолжаться, то его образование закончится на «Золотом ключике».

– У меня тоже внучка есть, – надевая очки, жалобно вздыхает кэгэбэшник.

Через неделю я ему припёрла пакет, в котором лежали его любимый «Камю» и детская книжка с красивой обложкой. Иван Кузьмич берёт книжку в руки и с восхищением произносит:

– «Золушка»! Ну надо же!

Я свободна! И у меня в сумочке Набоков. Ну надо же! В Интуристе после минутного опоздания надо было писать объяснительные, а уже после нескольких нарушений грозило увольнение с работы. Прибегаю, тяжело дыша… Иван Кузьмич стоит с секундомером:

– Лагутина, ко мне! Будешь писать объяснение за 24 марта!

Я, ничего не понимая, показываю на часы:

– Ровно девять, а на дворе июль.

– Отчет за 24 марта! – объясняет он мне строго. – Ты опять с иностранцем сидела! Я только что об этом узнал.

– Так это ж были мои туристы из Великобритании, – отвечаю я. – Супруга отлучилась в туалет, а он «там со мной ничего не делал».

Иван Кузьмич, скорчив недовольную физиономию, велел пройти в комнату переводчиц. Видимо, ему мой ответ явно не понравился. Вслед слышу:

– У тебя вечно всё не так, как надо! Ещё раз… и я сам за тебя возьмусь!

«Снова тучи надо мною собралися в тишине…» – Александр Сергеевич Пушкин.

Скажу вам по секрету, что могу быть отвязной! Вхожу в кабинет и говорю: «Это дело надо прекратить!» Сажусь и пишу: «Работала с американским туристом. Мужчина возраста сорока двух лет, обходительный в манерах, красиво одет, предлагал интим. Прошу меня уволить в связи с тем, что опорочила честь и достоинство советского человека». А потом, отложив ручку с бумагой, добавила вслух: «Я кончаю!» Вышла и плотно закрыла за собой дверь. Всё! Прощайте, Иван Кузьмич! Я полетела.

Через год въехала в новую кооперативную квартиру. С телефонами тогда было туго: из-за старого телефонного узла все квартиры в доме, кроме моей, были без телефонов. Сейчас такое даже трудно себе представить, но это факт, и ничего с этим не поделаешь. Сосед слева на нашей лестничной клетке, Рыбалко, – какой-то номенклатурный работник. Его жена Стелла – красивая еврейка-косметолог. Он со мной принципиально не здоровается, давая понять, что не так живу. Стелла в таких случаях сильно краснеет за мужа. Однажды даже рассказала, что не общается с сестрой, потому что муж не разрешает. Её сестра была замужем за африканцем – профессором математики и просто хорошим человеком. Раз в неделю Рыбалко заходил ко мне за сигаретами. Сама я не курила, но пачка «Мальборо» всегда была в доме. Рыбалко звонил в дверь и надменно спрашивал сигареты. Я вынимала из пачки три штуки и протягивала ему. И вот однажды сосед заходит за сигаретами. Когда он вошёл, зазвонил телефон. Гудки были длинными и громкими, с короткими интервалами, точь-в-точь как звонки из Смольного. Рыбалко бледнеет и застывает с сигаретами в руках. Мы смотрим друг на друга. После затянувшейся паузы я говорю:

– Вам, может, добавить? Мне не жалко.

Рыбалко попятился со словами:

– Большое спасибо, всё хорошо, я бросаю курить.

Больше он ко мне не заходил, а я, встречая его в лифте, ехидно спрашивала: «Вы что, правда, бросили курить?» Сосед смущённо отвечал: «Бросаю».

Я выпиваю и вздыхаю по жизни золотой, которая пришла и ушла, как пенистый морской прибой. Ну вот, я снова собралась замуж. Со «швейцаром» не сложилось: его, видно, Иван Кузьмич проклял. Утром несмело подхожу к отцу, который брился в ванной.

– Папа, – робко обратилась я к нему, – видишь ли, я выхожу замуж.

Отец, не прекращая своего занятия, интересуется:

– И как же зовут этого несчастного?

– Тони, – отвечаю я. Реакция родителя для меня была абсолютно неожиданной. Отец резко поворачивается с недобритой щекой и удивлённо спрашивает:

– Тоня? А зачем ей это надо?

Но уже на следующий день он серьёзно мне сказал: «Попроси у своего английского разведчика для меня костюм «Адидас». Когда меня посадят, я буду ходить в нём на следственные допросы». Так выглядело его благословение на мой брак. Говорят, что за границу не выпускали, а отец объездил весь мир, был в круизах, привозил нам подарки и радовался, как ребёнок. Удивительно, но все вещи и даже обувь точно подходили по размеру.

– Папа, – спрашивала я, – как ты так угадываешь?

Отец гордо отвечал:

– Я же протезист!

– А где ты взял так много валюты? Вам же выдали буквально копейки.

– А я там кое-что загнал, хотя со мной и ходил комитетчик.

– И как тебе удалось осуществить свой сложный замысел?

– Я ему сказал: «Вася, выбирай себе, что ты только хочешь», и контакт был налажен.

Я прекрасно помню его последний круиз в Японию. Январь, мы все ждём весточки. Мобильных телефонов тогда не было, об Интернете и говорить нечего, Фейсбук даже не фантастика. Отец на неделю пропал. И вдруг долгожданная телеграмма: «Попали в шторм, скучаю, отец». Мы рады – папочка жив! Скорей, скорей! Надо сообщить маме: «Наш папа попал в шторм, мама, всё хорошо!» Не отрываясь от чтения журнала, мама ехидно сказала: «В какой шторм он попал, мне хорошо известно. Он постоянно туда попадает. Вы, может быть, думаете, что меня это волнует? Нет, я ем шоколад и бью себя о жопу». Вот и поговорили. Зато чуть позже, когда вернулся отец, вся семья собралась вместе, рассматривая подарки. Я была довольна шёлковыми кофточками и кожаными брюками, мама улыбалась, тоже что-то примеряя, про шторм ни слова!

Я вспоминаю… Помню, однажды я пришла домой поздно ночью. Мама была в отъезде. Растрёпанный отец бегал по квартире в халате и нервно что-то выкрикивал. Из того, что я услышала, было ясно: он был в ужасе. «Я уже и не знал, где тебя искать, – кричал отец. – Где ты была? Что всё это значит?» Через двадцать минут в квартиру вошёл брат, и всё повторилось. Мы ничего не понимали, абсолютно ничего! Отец явно заболел. Позже мама пояснила, что наш папа к такой ночи не был подготовлен. «Всё очень просто, – улыбаясь, сказала она, – каждый вечер около одиннадцати часов папа задавал мне один и тот же вопрос: где дети? Я отвечала, что вы спите. Но в тот вечер в квартире папа находился один. Вот почему была такая нехорошая реакция». После этой дикой ночи папа не разговаривал с нами месяц, а когда проходил мимо, называл нас «детьми Ванюшина». Мы его жалели, но всё равно возвращались с прогулки домой поздно, а мама в спальне продолжала спокойно отвечать, что дети давно спят.

Я вспоминаю… «У тебя есть родители или ты сирота?» – задаёт мне вопрос жених. Пришло время знакомить его с родителями. Ужин состоялся в ресторане Дома кино. Мама кокетливо улыбалась и говорила папе, что ей на свадьбу необходим норковый палантин, как у Галины Вишневской. «Ничего не будет, – угрюмо отвечал отец. – Ты что, разве не видишь, что за столами сидят одни комитетчики? Я их бюджет хорошо знаю. Бутылка минералки и чашечка кофе». Однако поужинали мы спокойно, и нам никто не помешал. Интересно, там Володя был? Или занимался другими делами? На свадьбе мама была в норковом палантине. Хорошо подвыпивший папа подошёл вплотную к жениху и спросил: «Говоришь по-русски? А зачем моя дочь тебе нужна? У вас что, там своих нет?» Его увели. В ресторане сидели те же мальчики со скромным бюджетом. Правда, некоторые стояли, заведя руки за спину. Отец внёс предложение купить им бутерброды. Его опять увели. Гостей провожали те же комитетчики, поднимая одну руку, как бы прощаясь навсегда.

Я вспоминаю… В апреле перед самым отъездом в Англию на улице Герцена встретила Ивана Кузьмича. Это произошло неожиданно. Видно, к своим ходил. Иван Кузьмич строго посмотрел на меня улыбающимися глазами и сказал:

– Вот-вот, значит, замуж вышла. И что он там с тобой делает?

– Я ещё не там, Иван Кузьмич, – отвечаю. – Когда буду там, то обязательно напишу вам на мужа. А коньяк «Камю» я могу принести.

– Оля, – взмолился Иван Кузьмич, – не приходи ко мне. Меня ж с работы выгонят.

Это была наша последняя встреча. Теперь, спустя много лет, я с удовольствием встретилась бы с этим строгим человеком, который мне всегда улыбался глазами. Хочу надеяться, что он ещё жив, хотя ему уже тогда было хорошо за шестьдесят. Я бы пришла и поставила на стол его любимый коньяк «Камю». Иван Кузьмич бы строго сказал «вот-вот», а потом мы бы обнялись.

Я вспоминаю… Через год в Лондон приехали мои родители, хотя говорят, что никого не выпускали за границу. Я их очень ждала, но это понятно. Главное, что они просто и органично влились в лондонскую жизнь. Особенно хорошо себя чувствовала мама. После экскурсий и музеев ходили по магазинам, название которых она хорошо знала. Кредитных карточек у родителей и в помине не было. Папа всё оплачивал налом, приговаривая: «Мне для своей жены ничего не жалко!» На его реплики никто внимания не обращал, главное, чтобы всё оплатил.

– Мне ещё вот этот бант в горошек, Саша, – говорила мама, смотрясь в зеркало.

Бант был взят, но почему-то не один, второй папа положил в карман. Перед выходом из магазина его накрыла мама:

– А ну-ка покажи, что у тебя там? – папа виновато вынул бант из кармана. – Это что? – голосом полицейского спросила мама.

– Бант в горошек, – ответил папа.

– Мы же мне уже купили. А это кому?

– Мне, – отвечает папа дрожащим голосом.

Бант конфискован, отец пожимает плечами. Помню, однажды, сидя на кухне, мы заметили папочку, проскользнувшего в дальнюю комнату. «Пусть освоится. Ему надо дать время, а потом будем брать с поличным», – решили мы. Вошли в комнату через пять минут. Отец держал в руках маленькую картонную коробку, он так радовался, что даже слово не мог вымолвить.

– Смотрите, смотрите, что я купил! Это же чистая везуха! – папа поднимает вверх маленькую шариковую авторучку, потом опускает её вниз острием и так несколько раз. – Шариковые авторучки с голыми бабами! Это же удивительно: так опустишь – грудь видна, этак опустишь – вообще всё! – отец безотрывно смотрит на авторучку, приговаривая, что он купил наконец-то то, что хотел, и в этом весь смысл всей его поездки, если, конечно, не

считать Букингемский дворец. – Приеду в Москву и подарю всем врачам в клинике, а самую большую – таможеннику! Пусть ей рапорты пишет.

– Дай сюда, – сказала мама. Авторучки положили к банту.

Через некоторое время отец принёс в дом видеокассету, объяснив нам, что это – чистая порнуха! Мы, естественно, поинтересовались, как он её повезёт.

– А очень просто, – со знанием дела ответил отец, – от Захара человек зайдёт и провезёт.

– Это тот самый Захар, который два раза сидел за попытку переправить контрабанду за границу? – строго спрашивает мама.

– Точно, он! – обрадованно ответил папуля. Видеокассета присоединилась к банту и авторучкам. Больше отец ничего не покупал, потому что у него отобрали все деньги, последняя незначительная сумма была изъята из ботинка.

Я вспоминаю… В Москву мы ездили по работе чуть ли не каждый месяц, а иногда даже каждые две недели. Для меня это счастье! Муж работает с русскими заказчиками и получает хорошие контракты. Но все наши поездки были связаны с получением визы. Выглядело это примерно так: ко мне выходил работник посольства и с обиженным видом выдавал паспорт. Иногда это совпадало с какой-нибудь демонстрацией: люди шли с плакатами по улицам, полиция, напряжённость. Работник посольства внимательно на меня смотрит, да так, что у меня просто мурашки по коже идут:

– Ну иди, бастуй с ними против Родины!

– Это шахтёры бастуют против политики Маргарет Тэтчер, – отвечала я.

Но работник посольства меня не слышит, направляясь к своей внутренней двери, и вдруг чуть ли не жалобным голосом:

– А ты мне три батончика чёрного хлеба не могла бы привезти и ещё баночку атлантической селёдочки?

Я отвечаю, что сделаю это с большим удовольствием, если меня, конечно, пропустит таможня. Работник посольства даёт деловой совет:

– А ты скажи, что везёшь для генерала Полупэпэнко! – мягкая буква «г» выдаёт в нём украинца.

– Считайте, что чёрный хлеб у вас в кармане, а за селёдку я не ручаюсь, всё-таки атлантическая! – на этой фразе мы расстаёмся.

Лечу назад в Лондон, таможенник просит открыть чемодан и обалдевает:

– Это что такое?

– Везу для генерала Полупэпэнко, – буква «г» намеренно мягкая. Таможенник сам кладёт боевые продукты в чемодан. Я полетела. Значит, Иван Кузьмич был прав.

Работник посольства забирает всё с обиженным видом и без слов благодарности уходит. Я слышу лишь знакомое: «Ну гуд бай тебе». Возила я хлеб и селёдочку около двух лет, а потом всё как-то само собой закончилось: в один прекрасный тёплый летний день работник посольства ко мне не вышел. Но для «генерала Полупэпэнко» я возить не перестала, так как эта фраза была волшебной. Теперь, спустя много лет, я понимаю, что работник посольства поделился со мной паролем (видимо, три батона чёрного хлеба и банка атлантической селёдочки были для него важнее).

Я вспоминаю… До Горбачёва нам ещё далеко! Я начала свой маленький картинный бизнес, который превратился в большой и успешный. Когда что-то с любовью делаешь, всё получается. Надо сказать, что картины советских художников производили впечатление! Я имею в виду школу живописи. Да что говорить, англичане восхищались работами наших мастеров. Несмотря на то что многие послевоенные полотна были темноваты, выполнены на картонках или ветхих холстах, все восхищались мастерством советских художников и умением так трогательно передать человеческое тепло и непосредственность. Наши гениальные художники рассказывали о жизни народов СССР так, что даже англичанам хоте-

лось посидеть с людьми в хатах, попить чай с семьёй за большим столом, поиграть в волейбол с ребятами во дворах, поудить рыбу, сплясать в конце концов! Англичане чувствовали тепло, которого у них дефицит! Будучи такими музыкальными, наши островитяне недополучили главного – человеческого тепла. Работы наших мастеров восхищали и завораживали. На моих выставках пили виски и восторгались девочками в бантах и школьной форме, солдатами в пилотках и любящими матерями. Картины советских художников настолько захватывали, что каждый хотел их приобрести. Я гордилась тем, что делаю, потому что рассказывала о своей Родине, детстве и юности! Я показывала жизнь своей великой страны, о которой тогда мало кто знал на Западе. Плохое – в сторону! Посмотрите на нас, полюбуйтесь, задумайтесь!

Я вспоминаю… В ноябре – выставка. Перси Баркер, мой партнёр, с нетерпением ждёт меня. Оформила сорок холстов. С министерствами работать тяжело, но я готова. Пришлось везти всё самой, поездом. Дорога тяжёлая: границы, проверки, конечная остановка Остенде (Бельгия), а уж потом только четырёхчасовой паром до Англии (Дувр). Я часто так ездила и теперь очень устала. Дорога дальняя, а мы ещё даже Брест не проехали. Со мной в одном купе ехала на работу в Брюссель молодая пара. Точный возраст не скажу, думаю, лет до сорока. Увидели английский паспорт, и началось: возвращайся на Родину (буква «р» раскатистая), ты бросила свою страну, предательница! И так всю дорогу. Мои чувства были созвучны словам Высоцкого: «Я не люблю, когда мне лезут в душу, тем более когда в неё плюют». Проехали Брест, Польшу, ГДР, следующая – таможня ФРГ и западный Берлин. Вообще-то я не курю. Но пачка сигарет «Мальборо» у меня всегда была в сумочке для сувениров. Вынимаю сигаретку и закуриваю, пуская кольца в потолок: «Вот сейчас войдёт немецкая таможня, и я покажу пальчиком на ваши коробки с консервами, которые вы везёте в товарном количестве. У вас, конечно же, всё конфискуют, и вас ожидает голодная смерть в Брюсселе». Эти двое застыли, забыв про «возвращайся» и «предательницу». «Что притихли? – спрашиваю. – Что вас так беспокоит?» Вошли вежливые немецкие таможенники: «Гутэн абэнд. Ви геен зи бите? Что везёте? Продукты питания, цветы и т. д.?» «Нихтс, данке шон», – отвечаю. Всё! Таможенники вышли из купе. «Ребята, везите дальше свои консервы», – говорю я своим попутчикам. Молодая пара смотрит на меня благодарными глазами.

Я вспоминаю… Мои восьмидесятые. Подруга Роза влюблена в Алика Княжинского, который её постоянно обманывает, но не бросает, хотя лучше бы бросил. Роза похудела на десять килограммов. Это ей очень идёт. Хороша до невозможности: тонкая талия, раскосые глаза, густые каштановые волосы. Ну чем не красавица? Она любит, а он, паразит такой, её обманывает. «Это дело надо прекратить», – советую я ей. Но подруга не может, потому что каждый раз после очередной измены находит в почтовом ящике розу и записочку: роза для Розы. Романтично, не правда ли? И Роза готова всё забыть. Мы, женщины, всё это проходили. Я в розовых очках по жизни выступала. Носила утром, ночью, днём. Когда очки сняла, вдруг ничего не стало! Осталась с пустотой наедине вдвоём. Подруга верная, ты что ко мне пристала? Тебе понравился мой одинокий дом? Надену я очки, чтоб жизнь розой стала и поношу их утром, ночью, днём. Мы с Розой продолжаем страдать. Опять пропал! Звоним в гостиницу «Ялта»: «Добрый день, Александр Княжинский в номере?» Женский голос отвечает: «Такого нет, – мы облегчённо вздыхаем. И вдруг: – Александр Княжинский и Валентина Савицкая ожидаются завтра». Мы в ужасе смотрим друг на дружку. Подонок! Знакомых чувств неясное решенье. Я снова крашусь и, как дура, хохочу. Я верю в ложь себе на удивленье. Вы комплименты сыпете, а я люблю. Всё! Хватит! Но через десять дней подруга вынимает записочку с розой: роза для Розы. Романтика! Леопард своих пятен не меняет, Роза худеет на глазах: талия, как у балерины. Опять вычислили: уговорили девушку-телефонистку подслушать разговор. Она передала всё слово в слово. Разговаривал с некой

Валентиной, у них роман. Роза опять плачет: «Подонок! Эти же слова он говорил мне! Всё! Княжинский вычеркнут из жизни!» Через месяц – роза для Розы. Ну как не простить? Это продолжалось очень долго. Вы устали? И мы с Розой тоже. Помог Михаил Сергеич Горбачёв (не лично, конечно!). Повеяло свежестью, вольным ветром. Подруга приезжает в Лондон по приглашению. Ей надо заказать шиву по умершему родственнику. Кто-то кого-то знал. Пришёл интересный мужчина в возрасте шестидесяти лет, представился Абрамом. Он был родом из Литвы, прекрасно говорил по-русски, обожал русских классиков и композиторов. Много о себе не рассказал: выехал из Советского Союза в 1949 году по фиктивному браку с полькой, потом через Варшаву, проделав большой путь, попал в Лондон. Успешный бизнесмен, считает себя английским евреем, разведён, имеет троих взрослых детей. После шивы Абрам предложил Розе пойти в ночной клуб. Через некоторое время они обручились. Розалия Прэйс, став официальной невестой, в Москву не вернулась. Спустя несколько месяцев мы были приглашены на хупу (еврейскую свадьбу). Подруга стала женой богатого человека, и мы опять стали жить на одной улице. Это судьба!

Я вспоминаю… В перестройку народ вздохнул, появилась возможность посмотреть на мир, себя показать. И люди поехали: одни – отдыхать, другие – в эмиграцию за лучшей жизнью. Мои родители отдыхают в Дубае. Красивая гостиница, пляж, море, о погоде и говорить не приходится. Однажды после завтрака они решили посидеть в кафе на пляже, попить кофе. Вдруг проходит Алик Княжинский. Отец говорит: «Я с ним здороваться не буду, он над Розой издевался». Мама категорически против: «Надо поздороваться, Саша, это неприлично». Поздоровались, не подозревая, что видят Алика живым в последний раз. В этот же день Княжинский утонул. И вот что удивительно: море в этот день было абсолютно спокойное, но когда пошёл купаться Алик, неожиданно заштормило с необычайной силой. Он утонул. На пляже начался переполох. Спасатели бросились Княжинскому на помощь, но всё оказалось напрасным. Узнав о трагической гибели Алика, Роза плакала, плакала по человеку, которого так любила. В день похорон подруга оказалась в Москве: ей надо было забрать кое-какие документы. Но на похороны не пошла, не захотела: там была Валентина, да и самолёт улетал в Лондон днём. Решила послать розы от Розы.

Я вспоминаю… Розин муж Абраша (Абрамом его никто не называл) был неплохим человеком. Правда, он очень шумел, матерился и орал, как безумный. Любил свою жену за двоих, если не за четверых, по этому поводу и были частые скандалы. К его истерическим выходкам все привыкли. Свою Розочку он от себя никуда не отпускал, баловал дорогими подарками, но и дико ревновал, необоснованно подозревал и упрекал в неверности. Он ревновал к подругам, родственникам, книгам и даже к её красоте. Когда звонили подруги, в том числе и я, Абраша вместо приветствия спрашивал: «Чего звонишь моей жене?» – и крыл матом. Но в то же время он всегда был готов прийти любому на помощь, выслушать и помочь решить любую проблему: посидеть с человеком, поговорить с врачом, одолжить деньги в большом количестве (в Англии это невозможно). Абраша не был равнодушен к человеческому горю до такой степени, что открыто рыдал горючими слезами, как ребёнок (в Англии это неприемлемо). И все понимали, что этот человек взял чужое горе в сердце. Пожилой весельчак безобидно со всеми ругался, а потом просил прощения, при встрече на улице обнимался и долго стоял, выслушивая собеседника. Это вам не вежливое английское «хау ар ю?», на которое не принято подробно отвечать. Настоящий англичанин подумает, что с тобой что-то не так (этому меня научил супруг буквально в первые дни моего пребывания в стране). Абрашу любили все: и англичане, и евреи, и русские. Высокообразованный человек, математик, чемпион команды клуба по шахматам буквально притягивал и завораживал! Таких людей мы называем людьми с особенной аурой. Днём орёт и болеет за команду «Фулэм» на стадионах, вечером сидит в концертном зале «Вигмор Холл» и, застыв от восхищения, слушает симфоническую музыку. Каждый мог с ним поделиться наболев-

шим, как с близким другом, как с ребе. Друзей у этого человека было очень много, да и с первой женой он оставался в добрых отношениях. «А чего собачиться?» – удивлялся он. На то были две причины: Хелен Шапиро была матерью его троих детей и дочерью английского миллиардера. Разбогател её отец следующим образом: в семнадцатом году партия большевиков доверила коммунисту Давиду Шапиро (фамилию соратника склоняли по падежам: Шапире, Шапиру, Шапирой) вагоны с щетиной. Против этого молодой коммунист ничего не имел. Её надо было продать, а вырученные деньги, естественно, пошли бы на нужды партии. Давид успешно справился с заданием, вся щетина была продана в Объединённом Королевстве, деньги пошли в банк: ну не вести же их в мешках в Россию! Затем было заказано строгое английское пальто в дорогом магазине на Сэвил роу, там же Давид Шапиро купил чёрный цилиндр и, взяв трость в руки, послал вождя мирового пролетариата вместе с Октябрьской революцией на знакомые нам три буквы! Всё! Прощайте, пожалуйста. Абраша обожал их семейную историю, которая пересказывалась в красках на всех еврейских праздниках и торжествах. Особенно она впечатляла внуков и правнуков коммуниста Шапиро – вечная ему память! За 10 лет до смерти глава семейства открыл многомиллионный траст в Швейцарии. Это было сделано в память 2-го Интернационала и Клары Цеткин, конечно. Но надо сказать, что перед Давидом стояла неразрешимая проблема: все пятеро его детей были немного тавось. Об этом он сам не раз-другой говорил, называя их шлемазалами.

А об учителях и говорить нечего: все пятеро отпрысков от супруги Ханны – в диагнозе!

Пришлось поставить во главе семейного траста среднего сына Майкла Шапиро, который радовал своего отца больше смекалкой, чем интеллектом. Итак, после смерти папули Майкл смело взялся за дело, для начала купив по огромному особняку себе и своим детям в Челси. Далее, стараясь не обидеть братьев и сестёр, он выделил по скромному домику каждому из них в пригородах Лондона с небольшим месячным пособием. Объяснял Майкл Шапиро это тем, что деньги в трасте должны тратиться разумно! В доказательство он и сам был рад немного подзаработать: каждые полгода элегантный господин, от которого за три километра несло духами Гермес, появлялся на аукционе Сотбис с холстом очередного «шедевра» и каждый раз слышал одно и то же от артэксперта: «Мистер Шапиро, вы опять нам принесли очередную подделку!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.